

НЕВИННОСТЬ ХРИСТА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ШАБЛОН, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ О ЖЕРТВАХ

А.Е. Сериков¹

ЧОУ ВО «Самарская гуманитарная академия», г. Самара

E-mail: aeserikov@mail.ru

***Аннотация.** Основной идеей виктимологии в середине XX в. была возможная провокация преступления со стороны пострадавшего, но затем виктимология развивалась в направлении виктимогогики, помощи пострадавшим, посредничества между пострадавшим и преступником, восстановительного правосудия на основе общего предположения о невинности жертв. Аналогичное развитие идей от веры в виновность приносимой жертвы в архаичных обществах до понимания ее невинности в христианстве обнаруживается в теории жертвоприношения Р. Жирара. Анализ этих тенденций показывает, что невинность является наиболее существенной чертой образа жертвы в современной западной культуре.*

***Ключевые слова:** жертва, жертвоприношение, невинность, сакрализация, виктимология, массмедиа, культура, Рене Жирар.*

Одним из фактов нашей жизни является то, что массмедийные образы жертв преступлений, несчастных случаев и катастроф существенно не соответствуют знаниям о жертвах, формируемым на основе статистики и научных исследований. При этом обычно в серьезной степени искажается информация об этносе, гендере и возрасте типичных жертв, об их возможных связях с преступниками и о преступлениях, жертвами которых они становятся [6]. Возникает вопрос: какая из искажаемых характеристик реальных жертв является наиболее существенной при формировании прототипического образа жертвы? Например, известный норвежский криминолог Нильс Кристи в 1986 г. предложил следующий знаменитый портрет идеальной жертвы:

«Позвольте привести пример из моей культуры: маленькая пожилая леди, в середине дня возвращающаяся домой от своей больной сестры, за которой она ухаживала. Если ее ударил по голове крупный мужчина, который затем забрал ее сумку и потратил деньги на алкоголь или наркотики, в этом случае – в моей стране – мы приближаемся к описанию идеальной жертвы. Это так, по крайней мере, на основании пяти свойств:

1. Жертва слаба. Больные, пожилые люди или дети особенно хорошо подходят в качестве идеальных жертв.
2. Жертва была занята тем, что вызывает уважение, – заботилась о своей сестре.
3. Ее нельзя обвинить в том, что она была там, где она была – днем на улице.
4. Напавший был большим и плохим.

¹ СЕРИКОВ Андрей Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин ЧОУ ВО «Самарская гуманитарная академия», г. Самара

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 19-011-00872 «Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн».

Статья представляет собой расширенный вариант выступления на конференции «Междисциплинарные исследования: сущность и перспективы развития» (Борисовские чтения) (Самара, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», 27–28 сентября 2019 г.).

5. Напавший был неизвестным и не имел к ней никакого персонального отношения» [3, с. 12].

Если задать вопрос о том, какая из перечисленных здесь характеристик ситуации является наиболее существенной для прототипического образа жертвы, ответ очевиден – невинность пострадавшей старушки. И это имеет отношение не только конкретно к норвежской культуре конца XX века, но и к современной западной культуре в целом. Чтобы как-то обосновать этот тезис, проведем аналогию между отношением к жертвам в западной виктимологии, с одной стороны, и пониманием сущности жертвы в концепции Рене Жирара, с другой.

Европейская виктимология как новый раздел криминологии начиналась с идеи о том, что жертва не всегда невинна. Именно этот тезис, разрушающий стереотипы, был особенно важен с точки зрения отцов-основателей. Например, в книге «Преступник и его жертва» (1948) Ганс фон Гентиг пишет о том, что некоторые свойства потенциальной жертвы могут вносить свой вклад в преступление. Жертва может быть не только пассивной, но и активной, не только страдать от преступления, но и провоцировать его. В этом контексте фон Гентиг описывает следующие психологические типы жертвы:

- 1) находящийся в депрессии, подавленный, уставший человек;
- 2) стяжатель, жадный, стремящийся к легкой наживе или успеху человек;
- 3) распутная жертва (в основном речь идет о женщинах, соблазняющих мужчин);
- 4) одинокий или человек «с разбитым сердцем»;
- 5) мучитель (например, алкоголик или мужчина, избивающий жену и детей);
- 6) человек в безвыходной ситуации, беспомощный, вовлеченный в ситуацию, где его

можно шантажировать [8, с. 419–437].

Однако к концу XX века виктимология из раздела криминологии все больше превращается в то, что со ссылкой на голландского виктимолога Яна ван Дейка называют «виктимогогией», цели которой смещаются от понимания причин преступлений к пониманию внутреннего мира жертв, заботе о них и соблюдении их прав [5, с. 244]. Ван Дейк призывал «освободить жертву», имея в виду, что образы жертв в европейской культуре тесно связаны с образом Иисуса Христа и поэтому жертвам навязывают пассивную роль пострадавших, ожидают от них прощения, а взамен следует предоставить им больше прав и сделать активными участниками уголовного процесса [7]. То, что подобно Христу жертвы считаются невинными, ван Дейка не беспокоит, это ему кажется само собой разумеющимся. В этом направлении и развивается современная уже не просто европейская, но глобальная виктимология. Сошлемся на относительно недавний обзор Джона Дуссича «Виктимология – прошлое, настоящее и будущее» (2015). В частности, он приводит и разбирает следующие ключевые понятия современной виктимологии: 1) жертва (victim); 2) жертва преступления, пострадавший от преступления (crime victim); 3) виктимогенезис (victimogenesis); 4) неосмотрительность или провокация со стороны жертвы (victim precipitation); 5) уязвимость (vulnerability); 6) пострадавший (general victim); 7) виктимизация (victimization); 8) виктимология (victimology); 9) злоупотребление властью (abuse of power); 10) помощь пострадавшим (victim assistance, support or services); 11) восстановление пострадавших (victim recovery); 12) жестокое обращение с ребенком (child abuse); 13) посредничество между пострадавшим и преступником (victim offender mediation); 14) восстановительное правосудие (restorative justice); 15) травма

пострадавшего (victim trauma); 16) кризисное вмешательство, срочная помощь пострадавшим (crisis intervention); 17) компенсация (compensation); 18) возмещение ущерба (restitution); 19) опрос пострадавших (victim survey); 20) права пострадавших (victim rights). Этот список приведен целиком, поскольку он наглядно демонстрирует, что основная забота современных виктимологов – это помощь жертвам, а основное представление о жертвах – это представление о невинных пострадавших, которым требуется помощь. Из 20 перечисленных ключевых понятий только одно – victim precipitation – связано с представлением о том, что пострадавший сам мог спровоцировать преступление или как-то иначе быть причастным к нему.

В книге «Насилие и священное» (1972) Рене Жиарар высказывает следующую идею: первобытная религия и первобытное представление о священном основаны в конечном счете на реальном учредительном убийстве и принесении убитого в жертву. Это убийство объединяет всех членов общины, верующих в причастность жертвы к кризису и спасительность жертвоприношения. При этом в «Насилии и священном» Жиарар предостерегает против рассуждений о жертве в терминах ее виновности или невинности: «Отношения между потенциальной и актуальной жертвой нельзя определять в категориях виновности и невинности» [2, с. 10]. Однако когда в книге «Козел отпущения» (1982) он расширяет свою теорию на христианство, то сам начинает делать нечто похожее. Дохристианские гонители, пишет Жиарар, наивно верили в виновность тех, кого приносили в жертву, но Евангелия раскрыли нам глаза на невинность Христа и других подобных ему жертв. Поэтому неправомерно, считает автор, проводить аналогию между рассказом о жертвоприношении Христа, с одной стороны, и рассказами об архаичных жертвоприношениях и гонениях, с другой [1].

Сам ученый полагает, что жертва всегда невинна, но в мифологической ситуации гонители не догадываются о ее невинности, а в ситуации христианской должны об этом знать. Вероятно, Жиарар заблуждается, но выражает некую общую культурную тенденцию. Его заблуждение – того же порядка, что и заблуждение тех, кто принимает за чистую монету рассказы о невинных жертвах в массмедиа. Образы в массмедиа, так же как и схема Жиарара, отличаются от того, что мы знаем из научных исследований. Эта тенденция выявляет один из самых устойчивых стереотипов в христианской культуре и современной глобальной постхристианской культуре: подлинная жертва должна быть невинна. Этот стереотип лежит в основании важнейшего механизма сакрализации жертв преступлений, несчастных случаев и катастроф: конструировании образа невинных жертв.

Предложим следующую интерпретацию: реально у Жиарара описаны два типа жертв и два типа сакральности. Первая схема: будущий козел отпущения виновен в преступлениях (у него есть невинные жертвы), он обладает сакральной силой, его убивают (наказывают) и приносят в жертву богам (либо ему самому как богу), после чего ситуация исправляется и ему поклоняются как сакральному герою. Вторая схема: для принесения жертвы избирают невинного агнца (он не совершал преступления и, возможно, не обладает пока сакральной силой), его приносят в жертву, в ходе ритуала он наделяется сакральной силой, поскольку своей смертью спасает от страдания целое общество, ситуация исправляется и ему поклоняются. Главное различие: два типа сакральности и сакрализации. В первом случае изначальной силой обладают причастные к кризису персонажи, приносимые в жертву и становящиеся после этого объектом поклонения; во

втором – в жертву приносятся изначально невинные, непричастные к кризису, которые обретают силу лишь в ходе обмена их жизни на благополучие всего общества. Оба типа, как и различные промежуточные варианты, могут иметь место в реальной жизни. Но именно второй тип сакрализации стал прототипическим для европейской, а затем и для современной англоязычной глобальной культуры.

Итак, с одной стороны, история виктимологии показывает, что вопреки всем попыткам криминологов придерживаться эмпирических знаний о жертвах основные тенденции и в теории права, и в практической работе с жертвами неявно строятся на идеально-типическом образе невинных жертв, права которых должны быть соблюдены в полной мере именно потому, что эти жертвы невинны. С другой стороны, анализ концепции Жирара показывает, что в христианской и постхристианской культуре сакрализация тех, кого приносят в жертву, неизбежно связана с их идеализацией в качестве невинно пострадавших. Это является непременным условием того, чтобы пострадавшие от стихийных бедствий, несчастных случаев, катастроф и преступлений могли почитаться в качестве сакральных жертв наряду со святыми мучениками и героями.

Список литературы

1. *Жирар Р.* Козел отпущения / пер. с фр. Г. Дашевского; предисл. А. Эткинда. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 336 с.
2. *Жирар Р.* Насилие и священное / пер. с фр. Г. Дашевского. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 400 с.
3. *Christie N.* (1986) The Ideal Victim. Revisiting the 'Ideal Victim': Developments in Critical Victimology. Ed. by Marian Duggan. Bristol: Policy Press, Bristol University Press, 2018. DOI: 10.2307/j.ctv301ds5. P. 11–23.
4. *Dussich J.P.J.* Victimology – Past, Present and Future. United Nations Asia and Far East Institute for the Prevention of Crime and Treatment of Offenders. Tokyo, Japan. 131st International Senior Seminar. Visiting Experts' Papers. Resource Material Series No. 70, Pp. 116–129, 2006 / Simon Cornell, ed. URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No70/No70_12VE_Dussich.pdf (дата обращения: 01.06.2019).
5. *Hall M.* Victims of Crime: Construction, Governance and Policy. Palgrave Macmillan, 2017. ISBN 978-3-319-64589-6 (eBook). URL: <https://www.palgrave.com/gp/book/9783319645889> (дата обращения: 04.02.2019).
6. *Pollak J.M., Kubrin C.E.* Crime in the News: How Crimes, Offenders and Victims Are Portrayed in the Media. *Journal of Criminal Justice and Popular Culture*, 14 (1), 2007: 59–81. URL: <https://www.albany.edu/scj/jcipc/vol14is1/pollak.pdf> (дата обращения: 12.04.2019).
7. *Van Dijk J.* Free the victim: a critique of the Western conception of victimhood. *International Review of Victimology*. 2009, Vol. 16, pp. 1–33. URL: https://www.researchgate.net/publication/228372996_Free_the_Victim_A_Critique_of_the_Western_Conception_of_Victimhood (дата обращения: 01.06.2019).
8. *Von Hentig H.* The Criminal and his Victim. *Studies in the Sociobiology of Crime*. New Haven: Yale University Press, 1948. – 461 pp. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.34038/page/n5> (дата обращения: 01.06.2019).

THE INNOCENCE OF CHRIST AS CULTURAL PATTERN IN THE BASIS OF CONTEMPORARY VICTIMOLOGY AND THEORY OF SACRIFICE

A.E. Serikov²

Samara humanitarian Academy, Samara

E-mail: aeserikov@mail.ru

Abstract. *When victimology was born in the middle of 20 century its starting idea was possibility of victim precipitation, but then it developed towards victimology, victim assistance, victim offender mediation, restorative justice etc., generally assuming victim innocence. There is an analogy in the theory of sacrifice by R. Girard: in primitive societies those who sacrificed are believed to be guilty but not so in Christianity. The analysis of such trends shows that innocence of victim is the most essential feature of victim images in contemporary Western culture.*

Keywords: *victim, sacrifice, innocence, sacralization, victimology, mass media, culture, Rene Girard.*

² SERIKOV Andrey Evgenievich – candidate of philosophy, associate Professor, head of the Department of Humanities and natural Sciences "Samara humanitarian Academy", Samara